

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-65

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-65-74

Н. М. КАРАМЗИН И К. Ф. МОРИЦ

Алпатова Т. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Целью статьи является изучение основных направлений творческого взаимодействия Н. М. Карамзина с наследием К. Ф. Морица, яркого представителя немецкого Просвещения, встреча с которым показана на страницах «Писем русского путешественника».

Процедура и методы исследования. Автором проанализирована сцена встречи героя-путешественника с Морицом с целью выявить концептуальный смысл, лежащий в основе репрезентации творческого наследия немецкого писателя в книге Карамзина. Путём сопоставительного изучения мотива инициации у Морица и Карамзина уточняется специфика его раскрытия у представленных авторов.

Результаты проведённого исследования. В ходе работы были выявлены сопоставимые сюжетные ситуации, а также образно-символические ряды, позволяющие уточнить специфику творческой переработки Карамзиным принципов Морица-писателя в раскрытии мотива посвящения.

Теоретическая и / или практическая значимость. Автору удалось обновить проблематику сопоставительного анализа творчества К. Ф. Морица и Н. М. Карамзина, что в перспективе позволяет раскрыть новые возможности в исследовании контекста мировой литературы на страницах «Писем русского путешественника».

Ключевые слова: Н. Карамзин, К. Ф. Мориц, жанр, путешествие, поэтика повествования, мотив посвящения

N. KARAMZIN AND K. MORITZ

T. Alpatova

Moscow Region State University

24 Veri Voloshinoy st., Mytischki 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The article aims to study the main directions of creative interaction between N. Karamzin and the heritage of K. Moritz, a prominent representative of the German Enlightenment, a meeting with which is shown on the pages of "Letters of a Russian Traveler".

Methodology and Approach. The author analyzed the scene of the meeting of the hero-traveler with Moritz to reveal the conceptual meaning underlying the representation of the creative heritage of the German writer in the book of Karamzin. By a comparative study of the initiation motive in Moritz and Karamzin, the particularity of its disclosure in the presented authors is specified.

Results. In the course of the work, comparable plot situations were revealed, as well as figurative and symbolic series, allowing to clarify the specifics of Karamzin's creative processing of the principles of Moritz, the writer in exposing the motive of initiation.

Theoretical and / or Practical Implications. The author was able to update the problems of a comparative analysis of the works of K. Moritz and N. Karamzin, which in the future allows new opportunities to be explored in the study of the context of world literature on the pages of "Letters of a Russian Traveler".

Keywords: N. Karamzin, K. Moritz, genre, travel, narrative poetics, motive of initiation

ВВЕДЕНИЕ

История творческого усвоения Н. М. Карамзиным наследия К. Ф. Морица, немецкого философа, психолога, педагога, писателя и издателя, сцена встречи с которым оказывается одной из знаковых в структуре «философского сюжета» «Писем русского путешественника», привлекала внимание исследователей не столь часто [1, с. 21–22, с. 31–59, с. 91–104; 4; 5; 6, с. 319–337; 9, с. 49–67; 12, с. 247–251; 13, с. 57–71; 14, с. 59–78; 15, с. 55–62]. Однако перспективы этого сопоставления представляются очень интересными – как в силу многообразия научных и литературных интересов Морица, оказавшихся столь значимыми и для Карамзина, так и вследствие особой концептуальной установки, которая видится в интертекстуальных параллелях с произведениями немецкого мыслителя, выстраиваемых в карамзинском творчестве.

Установка эта задана в «Письмах русского путешественника», произведении, удивительно насыщенном изображениями встреч с самыми различными спутниками и собеседниками, как реальными, так и воображаемыми, что отвечало особому жизненному, этическому и шире – антропологическому принципу Карамзина, сформулированному в этой книге: «Человек рожден к общезнанию и дружбе»¹.

АССОЦИАТИВНЫЙ «СЮЖЕТ» ТВОРЧЕСТВА К. Ф. МОРИЦА В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»

Изображение Морица на страницах «Писем...» встраивается в концептуально значимую для Карамзина политико-историческую «карту» предпринятого маршрута. В её основе – базовый для всего историко-политического «сюжета» мотив встречи / творческого диалога России и Западной Европы, заложенный уже в самом названии книги [8, с. 525–606; 10, с. 112–121; 11, с. 106–115]. Отправляющийся в своё путешествие карамзинский герой осмысляет историю Европы, видя высшей точкой её воплощения Францию, которая в то же время оказывается во власти трагического кризиса – революции. Осознавая это, путешественник в «Письмах...» видит и возможности его преодоления – утопию возвращения к природе, раскрывающуюся на швейцарских страницах книги, и перспективу прогресса, олицетворённую для карамзинского героя Англией [3, с. 296–302].

В этой своеобразной «ментальной карте» Европы, концептуально обоснованной в трудах М. В. Иванова [3, с. 296–302] и Ю. М. Лотмана [8, с. 525–606], наиболее сложным и неоднозначным представляется место Германского мира [7, с. 450–470]. Думается, в карамзинском видении немецкая философия, поэзия, театр представляли новые творческие принципы, отличные от нормативно-традиционалистской, рационалистической французской эстетики. Деятели немецкой культуры на страницах «Писем...» оказываются для «русского путешественника» первыми представителями Европы – первыми «образцами для подражания», за которыми может пойти

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Н. А. Марченко, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 717 с. С. 34.

русская культура (подобная историософская модель была реализована и в стихотворении Карамзина «Поэзия», где место представителей французского классицизма занимают совсем другие – английские и немецкие поэты, причём будущее «поэзии святой» связано как с ними, так и с ещё не открывшими миру своё дарование русскими поэтами: «И скоро все народы // На Север притекут светильник возжигать...»¹). Мориц как яркий представитель новой немецкой культуры оказывается в книге Карамзина одним из наиболее лично близко к ней олицетворений, притом, если учесть его опыт как путешественника, обыгранный уже в представлении Морица как героя карамзинского повествования, он становится для повествователя-путешественника вполне соотносимой фигурой, как подобна в своём диалоге с французской культурой России – Германия.

Выстраивая характеристику Морица при первом знакомстве с ним читателя, Карамзин представляет практически все значимые его характеристики, с энциклопедической полнотой обозначая разнообразные сферы интересов немецкого мыслителя и писателя: «Веди меня к Морицу, – сказал я поутру наёмному своему лакею. – «А кто этот Мориц?» – Кто? Филипп Мориц, Автор, Философ, Педагог, Психолог...»². Иронизируя над простодушным слугой, пытавшимся найти Морица во «всезаключающем календаре», путешественник добавляет к его характеристике: «Посмотри его лучше между Профессорами»³ – завершающей, таким образом, становится характеристика, которая более привычна для обывателя, раскрывает личность Морица с его внешней стороны, явленной окружающим.

В этой характеристике представлены и несколько наиболее значительных сочинений Морица – роман «Антон

Рейзер», «Путешествие немца по Англии», «Путешествие по Италии», его журнал, названный в книге «Психологический магазин», а также одна статья из него – «О языке с психологической точки зрения», ставшая одним из оснований для особого «филологического сюжета», выстраиваемого в «Письмах...» [1, с. 91–104].

Предметами разговора с Морицом карамзинского героя-путешественника оказываются темы, наиболее значимые для общего контекста книги. Прежде всего это путешествие, – и в оценке Морица оно предстаёт как особый путь познания мира в живом общении с ним: «Нет ничего приятнее, как путешествовать. <...> Все идеи, которые мы получаем из книг, можно назвать мёртвыми в сравнении с идеями очевидца»⁴ (ср. отмеченное практически всеми исследователями «Писем...» значение читательского опыта и той проверки, которую он получает в ходе посещения героем тех памятных, знаковых мест, о которых путешественник раньше лишь читал [8, с. 525–606]). Таким образом, Мориц-путешественник в целом следует тому же специфическому сентиментально-просветительскому принципу, что и карамзинский герой. Как филолог, он говорит о готовности «учиться русскому» – в том случае, если на этом языке будет написано «что-нибудь превосходное» (мотив, косвенно обращающий читателя к стихотворению «Поэзия», где уже реализовавшая свой потенциал новая немецкая литература представлена как залог развития, в том числе, поэзии русской).

Завершением беседы путешественника с Морицем на страницах книги становится тема философии. В беседе о ней Мориц – карамзинский персонаж – также высказывает мысль, столь важную для целостного контекста книги, пронизанной пафосом объединения, диалога, творческого взаимодействия: «Нам должно... всегда соединёнными силами искать истины, она укрывается от уединенного искателя, и

¹ Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л.: Советский писатель, 1966. 424 с. С. 63.

² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Н. А. Марченко, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 717 с. С. 45.

³ Там же. С. 46.

⁴ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Н. А. Марченко, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 717 с. С. 46.

утомленному философу часто призрак истины кажется истиною»¹.

Однако взаимодействие с творческим наследием Морица не ограничивается только сценой встречи с карамзинским героем-путешественником. В книге довольно много более скрытых реминисценций из сочинений Морица, прежде всего «Путешествия немца по Англии», в последствии переведённого на русский язык, очевидно, в традициях карамзинизма (в 1970-е годы исследователь проблемы «Карамзин и Мориц» П. И. Иванов высказывал осторожное предположение, что автором перевода этой книги мог быть сам Карамзин [4]). Как и в случае с «Сентиментальным путешествием» Л. Стерна, путешествие Морица на страницах «Писем...» – не столько источник непосредственного воздействия, сколько пример развёртывания повествовательных стратегий, представлявших интерес для оформления динамического, «становящегося» повествования в карамзинской прозе.

Уже на начальных страницах книги выявляются своеобразные ироничные реминисценции: путешественник Морица, высаживаясь на берег Англии и только отправляясь в путь, восхищается необыкновенной красотой и богатством этой земли, противопоставляя ее «песчаной», «бесплодной» почве его родины. В сходной ситуации, оказавшись в Пруссии, карамзинский путешественник восхищается богатством и красотой земли немецкой (ср.: «Земля не везде одинакова. Как отличны сии тучные, плодоносные нивы, сия зелень дерев и кустов, от наших нив и нашей зелени и от всего того, что я в сем роде до сих пор где-нибудь видел! Как величественны эти дороги! Как тверда была земля подо мною: – На каждом шагу чувствовал я, что ступал по Английской земле»²; «Места, через которые мы проезжали, очень приятны. То обширные поля с прекрасным хлебом, то зеленые луга, то

маленькие рощицы и кусты, как будто бы в искусственной симметрии расположенные, представлялись глазам нашим. Маленькие деревеньки вдали составляли также приятный вид»³.

Наиболее развёрнутая система реминисценций из книги Морица «Путешествие немца по Англии» связана с мотивом путешествия-посвящения, с которой в «Письмах...» ведётся многоплановый диалог. Думается, «Путешествие немца по Англии» вполне могло стать источником специфической организации этого «диалога» в карамзинской книге, где герой, с одной стороны, периодически отрицает какую бы то ни было предзаданность смысла собственного путешествия (в том числе понятого в традициях мистико-аллегорического путешествия-инициации в масонской его трактовке), с другой же – очевидно ищет и обретает мудрость.

Герой-путешественник Морица также постоянно намекает на то, что его путешествие по Англии совершается как ради непосредственных живых впечатлений, так и с неким таинственным посвятельным смыслом, намёки на который постоянно даются и тут же «снимаются» в авторском повествовании. Посвятельная доминанта в его книге выражается даже более значительно, чем в карамзинской, – в путешествии Морица подчёркиваются трудности пути (он совершается пешком, причём герой сталкивается с насмешками окружающих, которые постоянно принимают его не за того, кто он есть на самом деле, – за нищего, бродягу, попрошайку, только не за философа и искателя мудрости...). Как и путешественник у Карамзина, герой-повествователь у Морица не раскрывает истинных целей и итогов своего пути.

В отличие от книги Карамзина, гораздо более сложной по структуре, более обширной как по охвату жизненного материала, так и по масштабу поставленных проблем, кульминацией «Путешествия немца по Англии» видится именно посвятельная ситуация посещения Кастлетонской пе-

¹ Там же. С. 47.

² Мориц К. Ф. Путешествие г-на Морица по Англии, в письмах. Пер. с немецкого. М.: В Вольной типографии Гария и компании, 1804. Ч. 1. С. 9.

³ Там же. Ч. 1. С. 15.

щеры в горах Дербшира. Параллелью ей выступает горное восхождение карамзинского путешественника в швейцарских Альпах – причём сама структура сопоставимых сцен выявляет при этом двойственность символики «мировой оси» в образах горы¹ и пещеры², присущую мифологическому мышлению в целом.

В книге Морица пещера с расположенной в ней подземной фабрикой – не просто местная достопримечательность, она вызывает множество эмоциональных ассоциаций, связанных с мотивом странствия в царстве мёртвых и обретения высшей мудрости и истины.

Первым, кого встречает повествователь на этом пути, оказывается проводник, описание которого в книге окружено явно мифологическими ассоциациями; в авторской характеристике этот «человек с черными всклокоченными волосами»³ прямо сравнивается с Хароном. Сам вход в пещеру подобен дороге в мире мёртвых – постепенно сгущается темнота, вокруг героя-путешественника смыкаются каменные стены, холод и тишина заставляют его чувствовать, «как будто бы нить человеческой жизни пресеклась <...> и как будто спокойно шествуешь по той тихой земле, где нет более никаких горестей и мучений»⁴.

В этом посвятельном испытании выделяется момент, когда путешественник пересекает реку, лёжа на дне лодки (в данном случае символически замещающей гроб), видит вокруг окаменевшие растения и скелеты животных. «Проводник мой сказал мне, чтоб я, вошедши в лодку, лег в ней на спину, для того, что на середине реки свод горы будет почти касаться самой воды <...> Вокруг нас царствовала

торжественная мертвая тишина, и чем более лодка подвигалась вперед, тем ниже опускалась гора, подобно темному облаку, так что наконец она касалась почти моего лица, и я с трудом мог держать над собою свечу в моем положении и лежал в лодке, как в тесном гробе»⁵; «Мы всходили на такую высоту и по обеим сторонам были у нас такая пропасти, что от одного воспоминания об оных кружится у меня голова»⁶. Путь труден и опасен, но результатом его становится откровение, обращая путешественника к поистине высшему знанию. Не случайно продвижение по пещере сопровождается странной, чудной нерукотворной музыкой – она рождается в камнях от ударов мельчайших водяных капель, на которые распадается подземный ручей. Повествователю кажется, что величественный подземный мир, подобно храму, сотворён чудесным Создателем для окончательного утверждения своего величия.

«Прошедши несколько шагов, вдруг вступили мы в величественный храм с пышным сводом, поддерживаемым прекрасными столбами, которые, казалось, были сделаны искуснейшим Архитектором.

Сей подземный храм, в строении которого ни одна рука человеческая не участвовала, казалось мне, превосходил правильностью, великолепием и красотой своею лучшие здания.

С чувством благоговейного изумления видел я здесь, во внутренних глубинах Натуры, открытое величие творца, и прославил Его в сей торжественной тишине, среди священного мрака...»⁷.

Следующая ступень в этом продвижении к истине – последование за путеводной звездой (в системе образов реального описательного плана «путешествия» – свечой проводника): «В глубокой пропасти, откуда, казалось, выходила она подобно

¹ Топоров В. Н. Гора // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 томах / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая российская энциклопедия; Олимп, 2000. Т. 1. С. 311–314.

² Топоров В. Н. Пещера // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 томах / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая российская энциклопедия; Олимп, 2000. Т. 2. С. 311–312.

³ Мориц К. Ф. Путешествие г-на Морица по Англии, в письмах. Пер. с немецкого. М.: В Вольной типографии Гария и компании, 1804. Ч. 2. С. 99.

⁴ Там же. Ч. 2. С. 101.

⁵ Там же. Ч. 2. С. 103–104.

⁶ Там же. Ч. 2. С. 111.

⁷ Мориц К. Ф. Путешествие г-на Морица по Англии, в письмах. Пер. с немецкого. М.: В Вольной типографии Гария и компании, 1804. Ч. 2. С. 104.

прекрасной звезде <...> Это явление подобно было тому, когда в самую глубокую полночь из густых облаков просиявает звезда; и сей вид красотою своею превосходил все, доселе мною виденное»¹. Однако истинный смысл подземного путешествия открывается по его завершении; пройдя долгий путь испытаний, рассказчик вновь смотрит на земной мир, но – познав истинные величие Творца Natury. Он видит обыденные картины уже иным зрением, они словно бы превращаются для него в «Елисейские поля», в истинный рай: «... Когда он (проводник – Т. А.) отворил ворота только в половину <...> мне показалось, как будто бы я в самом деле смотрел на Елисейские поля: в столь чудном свете представлялись мне все предметы!»².

Структурно подобной сценой посвящения карамзинского героя-путешественника становится описание его прогулки в Альпах, соотносимое как непосредственно с посвянительной символикой, так и с разнообразными литературно-культурными параллелями, в первую очередь книгой Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» [2, с. 87-95] (не случайно одним из нравственных итогов, который путешественник подводит для себя в процессе этой прогулки, становится осознание справедливости размышлений из письма XXIII героя Руссо: «Таким образом, на самом себе испытал я справедливость того, что Руссо говорит о действии горного воздуха» («<64> Пастушьи хижины на Альпийских горах, в 9 часов утра»³). Горы как наиболее величественное воплощение естественного, природного бытия в то же время обладают в сознании героя особой властью над душой человека, они не только обновляют в нём ощущение полноты бытия, но и становятся духовным откровением. В горах человек оказывается наиболее близок Богу, сами же горы подобны человеку – они стоят на

земле, устремляясь вершиной к небесам; вид закатных гор заставляет путешественника задуматься именно о человеческой судьбе: «Так проходит слава мира сего! Так увядает роза юности! Так угасает светильник жизни!» («<61> Берн 28 Августа»⁴).

Это скрытое подобие горы человеческому существу становится в «Письмах...» своеобразной психологической мотивировкой того стремления увидеть горы, движимый которым и отправляется на свою альпийскую прогулку карамзинский путешественник. Его сложный путь – одно из воплощений мотива посвящения, и, пожалуй, наиболее органичное в книге.

Примечательно, что этот инициационный путь начинается символической смертью – пересечением водной преграды (Тунского озера), которое карамзинский путешественник, подобно герою Морица, совершает лёжа в лодке (правда, мотив этот представлен у Карамзина с более житейски очевидной мотивировкой: поездка начинается ранним утром, и путешественник ещё не в силах прервать сон; герой Морица был принуждён к этому скорее символическим обстоятельством – потолок пещеры оказался столь низок (подобно своду гробницы), что никаким иным образом там невозможно было передвигаться). Пересечение водной преграды в символике большинства мистических учений реализует потенциал перехода в иной мир – мир мёртвых; и в данном контексте как у Морица, так и у Карамзина переплыть это пограничное пространство (подземную реку, Тунское озеро) – значит, на некоторое время «умереть» для прежней жизни, а в посвянительном контексте книги – заплатить предельную цену за возможность постичь истину, что впоследствии позволит человеку вновь возродиться.

В своём водном путешествии на другой берег озера, откуда должно начаться восхождение, карамзинский герой открывает прежде всего иллюзорность земных благ, которые обычно ценятся людьми. Он готов сменить привычный комфорт

¹ Мориц К. Ф. Путешествие г-на Морица по Англии, в письмах. Пер. с немецкого. М.: В Вольной типографии Гария и компании, 1804. Ч. 2. С. 112.

² Там же. С. 113–114.

³ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Н. А. Марченко, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 717 с. С. 134.

⁴ Там же. С. 129.

на простоту и безыскусственность (ср. замечание: «Добродушный Швейцар подает мне черный мешок, который должен служить мне вместо пуховой подушки...», «<63> Тунское озеро, 5 часов утра»¹). Приближаясь к желанным горам и удаляясь от всего *иногo*, путешественник становится всё более чувствителен ко впечатлениям бытия; при этом особая зоркость позволяет ему замечать не столько сами природные красоты, сколько их духовный смысл: слияние земного и небесного, завершение обыденной жизни и её растворение в предвечном величии: «Здесь конец земного творения!»². Потому-то само восхождение на гору в сознании героя и уподобляется восхождению к небесам. Трудности на этом пути: вскоре наступившая усталость, пугающие груды камней, лежащие по сторонам дороги, грохот лавин – всё это в контексте инициационного сюжета становится знаком посвячительно-го испытания. Путешественник обретает на этом пути новую силу – и благодарит за неё Творца: «Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыхание мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствие и радость разлились в моем сердце. Я преклонил колена, устремил взор свой на небо, и принес жертву сердечного моления – Тому, Кто в сих гранитах и снегах напечатлел столь явственно Свое всемогущество, Свое величие, Свою вечность!.. Друзья мои! Я стоял на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могут для поклонения Всевышнему!.. Язык мой не мог произнести ни одного слова; но я никогда так усердно не молился, как в сию минуту»³.

Открытие в себе этой способности видеть и понимать духовный смысл проживаемых испытаний, ощущение путешествия как движения к истине раскрывается в этом эпизоде книги как глубинное изменение человеческой души. Путешественник

чувствует, что отныне он стал по-иному смотреть на мир, открыл новые сферы собственной чувствительности – способности ощущать духовный смысл в вещах, видимых его физическим зрением: «спускаясь в долину, находил я прекрасные благоволенные луга, каких лучше вообразить нельзя <...> на всяком лужке отдышал я по несколько минут, и если не руками, то по крайней мере глазами своими ласкал каждую травку вокруг себя»⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творческое взаимодействие с литературной традицией, как далеко отстоящей во времени, так и очень близкой, стало для «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина принципиальной особенностью, позволявшей и расширить охват культурных явлений европейского мира, представленных на страницах книги, до поистине энциклопедической полноты, и, с другой стороны, вырабатывать собственную повествовательную стратегию, во взаимодействии с наиболее значимыми художественными открытиями писателей-современников, в том числе в жанре путешествия. Проведённый анализ показал, что творчество К. Ф. Морица, и в особенности его «Путешествие немца по Англии», может рассматриваться не только как источник сведений, важный для английских страниц «Писем...» на сугубо содержательном уровне. Образ повествователя-путешественника, разработанный Морицом, перекликается с центральной фигурой повествователя-путешественника карамзинской книги. При этом автор осознанно подчёркивает возможные переклички, делая Морица персонажем своего повествования, а главное – реализуя возможности важного для жанра путешествия инициационного сюжета с учётом художественного опыта Морица – автора «Путешествия немца по Англии». Это позволяет расширить представления о взаимодействии Карамзина-писателя с современной ему немецкой литературой

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Н. А. Марченко, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 717 с. С. 131.

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 133–134.

⁴ Там же. С. 137.

в целом, а также уточнить представления об эстетических принципах писателя, реализованных в построении динамичного, «становящегося» повествования, эффект которого и стал определяющим для последующего развития русской классической прозы XIX столетия.

Статья поступила в редакцию 12.02.20.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00292, «Н. М. Карамзин и его окружение».

ACKNOWLEDGMENT

The research is executed with financial support of the Russian Federal Property Fund within the scientific project No 19-012-00292 «N. Karamzin and his circle».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпагова Т. А. Проза Н. М. Карамзина. Поэтика повествования; изд. 2-е, переработанное. М.: МГОУ, 2017. 154 с.
2. Иваницкий А. И. «Мечта» и «Суета» в поэзии русского сентиментализма: логика схождения и расхождения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 87–95.
3. Иванов М. В. Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // XVIII век. Сб. 10. Русская литература XVIII века и её международные связи. Л., 1975. С. 296–302.
4. Иванов П. И. Карл Филипп Мориц, его жизнь и деятельность. Неизвестные страницы из истории немецкой классической литературы эпохи Просвещения. Псков: Изд-во Псковского государственного педагогического института, 1993. 143 с.
5. Иванов П. И. К. Ф. Мориц на страницах «Московского журнала» Н. М. Карамзина. Псков: Изд-во Псковского государственного педагогического института, 1994. 26 с.
6. Кафанова О. Б. Библиография переводов Карамзина (1783-1800) // XVIII век. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 319–337.
7. Клингенштайн Г. Германский мир // Мир Просвещения: исторический словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. Пер. с итальянского Н. Ю. Плавинской под ред. С. Я. Карпа. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 450–470.
8. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Н. А. Марченко, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Л., 1987. С. 525–606.
9. Пашкуров А. Н. Русская литература XVIII столетия в поисках гармонии (опыт системного обзора) // Русистика и компаративистика: научные труды по филологии. М.: МГПУ, 2018. С. 49–67.
10. Сапченко Л. А. Литературно-критическое наследие Н. М. Карамзина 1790-х годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. №3. С. 112–121.
11. Сапченко Л. А. Литературно-критическая позиция Н. М. Карамзина периода «Вестника Европы» (1802-1803) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. №4. С. 106–115.
12. Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб.: Типография В. Демакова, 1899. 578 с.
13. Соколов А. Б., Осипов А. С. История Англии в оценках Н. М. Карамзина // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1. №2. С. 57–71.
14. Соколов А. Б. Английский характер: немецкий травелог XVIII века в зеркале культурной антропологии // Диалог со временем. 2012. №39. С. 59–78.
15. Чавчанидзе Д. Л. Два «путешествия» на исходе XVIII века (К. Ф. Мориц и Н. М. Карамзин) // Балтийский филологический курьер. 2013. №9. С. 55–62.

REFERENCES

1. Alpatova T. A. *Proza N. M. Karamzina. Poetika povestvovaniya* [The Prose of N. Karamzin. The poetics of narrative]; ed. 2nd, revised. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2017. 154 p.
2. Ivanitskii A. I. «Mechta» i «Sueta» v poezii russkogo sentimentalizma: logika skhozhdenij i raskhozhdenij ["Dream" and "Vanity" in the poetry of Russian sentimentalism: the logic of similarities and differences]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2017, no. 4, pp. 87–95.
3. Ivanov M. V. *Mir Shveitsarii v «Pis'makh russkogo puteshestvennika» N. M. Karamzina* [World of Switzerland, "Letters of a Russian traveler" by N. Karamzin]. In: XVIII vek. Sb. 10. Russkaya literatura XVIII veka i ee mezhdunarodnye svyazi [18th century. Collection 10. Russian literature of the 18th century and its international relations]. Leningrad, 1975, pp. 296–302.
4. Ivanov P. I. *Karl Philipp Moritz, ego zhizn' i deyatel'nost'. Neizvestnye stranitsy iz istorii nemetskoj klassicheskoj literatury epokhi Prosveshcheniya* [Karl Philipp Moritz, his life and work. Unknown pages from the history of classical German literature of the Enlightenment]. Pskov, Pskov State Pedagogical Institute Publ., 1993. 143 p.
5. Ivanov P. I. *K. Ph. Moritz na stranitsakh «Moskovskogo zhurnala» N. M. Karamzina* [K. Moritz in "Moscow Journal" by N. Karamzin]. Pskov, Pskov State Pedagogical Institute Publ., 1994. 26 p.
6. Kafanova O. B. *Bibliografiya perevodov Karamzina (1783-1800)* [Bibliography of Karamzin's translation (1783-1800)]. In: XVIII vek. Sb. 16. Itogi i problemy izucheniya russkoj literatury XVIII veka [18th century. Collection 16. Results and problems of study of Russian literature of the 18th century]. Leningrad, 1989. pp. 319–337.
7. Klingenstein G. *Deutsche Welt* [German world]. In: *L'Illuminismo. Dizionario storico Roma; Bari: Guis. Laterza & Figli Spa, 1998* (Russ. ed.: V. Ferrone, D. Rosha, transl. *Mir Prosveshcheniya: istoricheskii slovar'*. Translated from Italian by N. Plavinskaya, ed. by S. Karp. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2003, pp. 450–470).
8. Lotman Yu. M., Uspensky B. A. «Pis'ma russkogo puteshestvennika» Karamzina i ikh mesto v razvitii russkoj kul'tury ["Letters of a Russian traveler" by Karamzin, and its place in the development of the Russian culture]. In: *Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Karamzin N. Letters of a Russian traveler] / the edition was prepared N. Marchenko, Y. Lotman, B. Uspensky]. Leningrad, 1987, pp. 525–606.
9. Pashkurov A. N. *Russkaya literatura XVIII stoletiya v poiskakh garmonii (opyt sistemnogo obzora)* [Russian literature of the 18th century in search of harmony (systematic review)]. In: *Rusistika i komparativistika: nauchnye trudy po filologii* [Russian studies and comparative literature: scientific papers on Philology]. Moscow, MSPU Publ., 2018. pp. 49–67.
10. Sapchenko L. A. [Literary-critical heritage of N. Karamzin, 1790s]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2017, no. 3, pp. 112–121.
11. Sapchenko L. A. *Literaturno-kriticheskaya pozitsiya N.M.Karamzina perioda «Vestnika Evropy» (1802-1803)* [Literary-critical position by N. Karamzin at period of "Envoy of Europe" (1802-1803)]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2017, no. 4, pp. 106–115.
12. Sipovsky V. V. *N. M. Karamzin, avtor «Pisem russkogo puteshestvennika»* [N. Karamzin, author of "Letters of a Russian traveler"]. St. Petersburg, Typography of V. Demakov Publ., 1899. 578 p.
13. Sokolov A. B., Osipov A. S. [The history of England in the views of N. Karamzin]. In: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2011, vol. 1., no. 2, pp. 57–71.
14. Sokolov A. B. [English character: the German travelogue of the 18th century in the mirror of cultural anthropology]. In: *Dialog so vremenem*, 2012, no. 39, pp. 59–78.
15. Chavchanidze D. L. [Two «travels» at the end of the eighteenth century (K. Moritz and N. Karamzin)]. In: *Baltiiskii filologicheskii kur'er*, 2013, no. 9, pp. 55–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana A. Alpatova – Doctor in Philological sciences, associate professor, professor at the Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State University;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алпатова Т. А. Н. М. Карамзин и К. Ф. Мориц // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 65–74.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-65-74

FOR CITATION

Alpatova T. A. N. Karamzin and K. Moritz. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 2, pp. 65–74.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-65-74